
ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_8

EDN: ZUMJCG

Дискурс власти и интеллигенции в творчестве И. А. Бродского

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье поднимается актуальная проблема анализа важной для творчества И. А. Бродского темы власти. Рассуждения о взаимоотношениях интеллигенции и власти традиционны для русской общественной мысли, между тем этот аспект произведений поэта до сих пор не привлекал внимание исследователей. Для его рассмотрения обратимся к анализу малоизученных текстов Бродского различных периодов его творческой деятельности – небольшой поэмы «Речь о пролитом молоке» (1967), а также стихотворений «Развивая Платона» (1976), «Одному тирану» (1972), «Резиденция» (1983). К анализу будет также привлечено эссе Бродского «О тирании» (1980), в котором писатель в нефикциональной форме высказывает взгляды на интересующую нас научную проблему. В статье используются традиционные методы комплексного филологического анализа текстов, сопоставительный метод, а также элементы интертекстуального и рецептивного анализа. В результате исследования сделан вывод о том, что поэзия Бродского продолжает характерную для отечественной литературной интеллигенции линию критики официальной власти. В его творчестве советская власть представлена как институт подавления человеческой личности, оборотной стороной чего становится возникновение обезличенного коллективного человека, массы. Поэт изображает конфликт между подобного рода обществом и лирическим героем, который оборачивается репрессиями в адрес последнего. Отказываясь от традиционной для писательской интеллигенции XIX века роли учителя и пророка, лирический герой Бродского тем не менее остается единственным носителем нравственной истины, которая оказывается напрямую связанной с духовными ценностями.

Ключевые слова: И. А. Бродский; взаимоотношение власти и интеллигенции; «Речь о пролитом молоке»; «Развивая Платона»; «Одному тирану»; «Резиденция»; «О тирании»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. Дискурс власти и интеллигенции в творчестве И. А. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 8–14. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_8. <https://elibrary.ru/ZUMJCG>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Discourse between authorities and intelligentsia in I. A. Brodsky's works

Anna A. Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article raises a topical problem of analyzing the theme of power, which is important in I. A. Brodsky's creative work. The discourse on the relationship between the intelligentsia and the authorities is traditional for Russian public thinking, although this aspect of the poet's works has not yet attracted the attention of the researchers. To consider this issue, the author turns to the analysis of Brodsky's texts from different periods which haven't been studied enough – a small poem *Speech Over Spilled Milk* (1967), as well as the poems *Developing Plato* (1976), *To a Tyrant* (1972), and *The Residence* (1983). The analysis also involves Brodsky's essay *On Tyranny* (1980), in which the writer expresses his views on the scientific problem concerned in a nonfictional form. The article uses traditional methods of complex philological textual analysis, comparative method, as well as some elements of intertextual and receptive analysis. The conclusion of the research is that Brodsky's poetry continues the trend of criticizing the official authorities, which is characteristic of the Russian literary intelligentsia. In the poet's work, Soviet power is presented as an institution for suppressing the human personality, the reverse side of which is the emergence of an impersonal collective man, the crowd. The poet shows the conflict between such a society and the lyrical hero, where the latter suffers from repression. Rejecting the traditional role of teacher and prophet for the 19th century intelligentsia, Brodsky's lyrical hero remains the only bearer of moral truth which appears to be directly related to spiritual values.

Key words: I. A. Brodsky; the relationship between authorities and intelligentsia; *Speech over Spilled Milk*; *Developing Plato*; *To a Tyrant*; *The Residence*; *On Tyranny*

The study was supported by the Russian science foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. Discourse between authorities and intelligentsia in I. A. Brodsky's works. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4): 8–14. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_8. <https://elibrary.ru/ZUMJCG>

Введение

Творчество И. А. Бродского сегодня активно привлекает внимание исследователей. Значимым шагом в изучении наследия поэта стал выход его биографии, написанной Л. Лосевым [Лосев, 2008], а также замечательной монографии Б. Янгфельдта [Янгфельдт, 2011], посвященной нравственным и философским исканиям автора. Широко исследуются проблемы поэтики Бродского, который давно уже признан одним из самых сложных для восприятия и интерпретации поэтов XX века: многочисленны статьи, авторы которых не устают находить у Бродского те или иные интертекстуальные отсылки [Ахапкин, 2018]; [Богданова, Власова, 2021]; [Бурая, Богданова, 2022], [Гудониене, 2000]; [Ранчин, 2001]; [Ishov, 2017], изучаются формальные особенности лирики Бродского [Шерр, 2002], особенности циклообразования в его творчестве [Богомолов, 2004]; [Бурая, 2021], коммуникативные стратегии письма [Чаунина, 2019].

Между тем, значительный объем наследия поэта, а также частая герменевтическая «закрытость» его текстов делают осмысление его творчества еще далеким от завершения. Так, внимание исследователей до сих пор не привлекала тема, заявленная в заглавии данной статьи, а именно вопрос о том, как изображается Бродским «вечная» для российского общества проблема взаимоотношения власти и интеллигенции. Для ответа на него обратимся к анализу малоизученных текстов Бродского различных периодов его творческой деятельности – небольшой поэмы «Речь о пролитом молоке» (1967), а также стихотворений «Развивая Платона» (1976), «Одному тирану» (1972),

«Резиденция» (1983). К анализу будет также привлечено эссе Бродского «О тирании» (1980), в котором писатель в нефикциональной форме высказывает взгляды на интересующую нас научную проблему.

Основная часть

Взаимоотношение интеллигенции и власти – традиционная тема русской общественной мысли. Впервые остро она встала в русской культуре XIX в., особенно в его второй половине, когда началось активное формирование общественной прослойки, занятой умственным трудом. Отношение власти к интеллигенции в России было двойственным и строилось по принципу «притяжение» – «отталкивание»: стремление государства поставить мыслящий слой общества себе на службу сочеталось с желанием ограничить развитие личности и гражданские свободы. Особенно ярко подобная неоднозначность проявилась в годы советского режима, когда на интеллигенцию была возложена миссия по оправданию любых действий власти, а инакомыслие преследовалось. Своего апофеоза преследование инакомыслящих достигло в годы тоталитаризма, хотя еще в 1921 году, предчувствуя направление, в котором движется общество, О. Мандельштам писал: «Нельзя дышать и твердь кишит червями / И ни одна звезда не говорит» [Мандельштам].

И. А. Бродский начал свою творческую деятельность в годы оттепели, которые характеризовались ослаблением государственного преследования граждан, несогласных с направлением его политики. Массовые аресты, лагеря и расстрелы остались в прошлом, вместе с осуждением «куль-

та личности» Сталина. Между тем, взаимоотношения поэта с советской властью стали примером того, что и в 1960-е гг. аппарат государственных репрессий продолжал функционировать, пусть и в меньшей степени, чем в предшествующие годы.

Уже с двадцатилетнего возраста Бродский попал в поле внимания ленинградского комитета государственной безопасности, а в 1963 году началась активная общественная травля поэта (публикация статьи «Окололитературный трутень» в газете «Вечерний Ленинград»). Ее следствием стал быстрый арест Бродского в начале 1964 года и скорый судебный процесс, в результате которого молодой поэт был приговорен к самому суровому наказанию, которое предусматривала статья «о тунеядстве», – пятилетней ссылке и принудительному труду. Хотя благодаря общественной кампании по освобождению Бродского при активном участии Анны Ахматовой срок его ссылки был сокращен до полутора лет, преследования со стороны власти оставили тяжелый след на здоровье поэта, положив начало сердечной болезни, которая впоследствии привела к его ранней смерти.

Вскоре после возвращения из ссылки, в январе 1967 года, Бродский пишет небольшую поэму «Речь о пролитом молоке» (об этой поэме подробнее см., например, [Федотова]), которая является ярким примером его размышлений о проблемах советского общества и государственной власти и о роли художественной интеллигенции в сложившихся условиях жизни. Поэма достаточно сильно выделяется на общем фоне раннего творчества Бродского. Хотя ее автор и подвергался преследованиям со стороны власти, его творчество осуждалось не за высказывания против государственного строя, а за индивидуализм и пессимизм лирики, которые не должны проявляться в произведениях советского поэта. Между тем, «Речь о пролитом молоке» остро социальна и довольно явно выражает протестные настроения поэта.

Уже в пятой строфе ярко изображается конфликт лирического героя и государственной репрессивной машины:

Я факта в толк не возьму простого,
как дожил до Рождества Христова
Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого.
Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немого [Бродский, 2001а, с. 180].

Несмотря на гиперболу («двадцать шесть лет непрерывной тряски»), которая усиливает эмоциональное напряжение текста, фрагмент предельно автобиографичен. Бродский отсылает читателя к наиболее трагичным событиям собственной биографии, откровенно подчеркивая и психологические изменения, которые являются неотъемлемыми спутниками тоталитарного подавления личности: «ученья строить Закону глазки, изображать немого».

Конфликт личности и власти в поэме постепенно трансформируется в противостояние лирического героя и общества в целом. Бродский не случайно двукратно подчеркивает время создания поэмы: и точной датой в конце текста (14 января 1967 года), и в самом произведении, употребляя каждое слово с заглавной буквы («Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого»). Важность исторического контекста подчеркивается краткой и ироничной картиной эпохи:

То есть все основания быть спокойным.
Никто уже не кричит: «По коням!»
Дворяне выведены под корень.
Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
Зимний взят, если верить байке.
Джугашвили хранится в консервной банке.
Молчит орудие на полубаке [Бродский, 2001а,
с. 180–181].

Общество 1960-х гг. характеризуется Бродским как максимально стабильное, среди его главных достижений поэт подчеркивает отсутствие военных действий («никто уже не кричит: «По коням!»»), «молчит орудие на полубаке») и народных волнений («Ни тебе Пугача, ни Стеньки»), ликвидацию социального неравенства («Дворяне выведены под корень»), наконец, отречение от тоталитаризма («Джугашвили хранится в консервной банке»). В свойственной афористичному стилю поэмы манере Бродский лаконично подытоживает:

Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но, по Марксу,
давно пора бы меня зарезать [Бродский, 2001а,
с. 180].

В этом фрагменте явно прослеживается противостояние индивидуального «Я» лирического героя («давно пора бы меня зарезать») и коллективного «мы» советского общества («подразумеваю, конечно, массу»).

Отрицание важного для советской идеологии коллективизма и противопоставление ему личностной неповторимости звучит и в выражении, являющемся перефразированием знаменитого лозунга французской революции 1789 года «Свобода, равенство, братство»: «Равенство, брат, исключает братство» [Бродский, 2001а, с. 181]. Поэт проблематизирует понятие равенства, видя за ним опасность обезличивания.

Характерно, что заявленная в «Речи о пролитом молоке» идея о единстве в подавлении личности лирического героя репрессивной государственной власти и обезличенной массы народа звучит и в более позднем стихотворении Бродского «Развивая Платона» (1976). Обращаясь к идеям Платона об идеальном государстве, Бродский создает образ идеального города, «где река высывалась бы из-под моста, как из рукава – рука, и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы, как Шопен, никому не показывавший кулака» [Бродский, 2001б, с. 122]. Этот город, как и советское государство в «Речи о пролитом молоке», является воплощением стабильности, что выражается, в частности, в образе остановившегося времени:

Время, текущее в отличие от воды
горизонтально от вторника до среды,
в темноте там разглаживало бы морщины
и стирало бы собственные следы [Бродский,
2001б, с. 123].

Между тем, стабильность оборачивается в стихотворении господством абсолютного тоталитаризма (неслучайно в произведении встречается лейтмотивный для творчества Бродского образ тирана «Тиран ему аплодировал в ложе» [Бродский, 2001б, с. 122]), результатом которого в итоге вновь становятся репрессивные действия по отношению к лирическому герою:

И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество,
менаж-
а-трау, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными:
«Не наш!»
[Бродский, 2001б, с. 124]

В стихотворении «Развивая Платона», также, как и в «Речи о пролитом молоке», присутствует идея о глубинной общности между тиранией и охлократией. Характерно, что об обеих этих формах правления рассуждал Платон в своем диалоге «Государство», считая их отступлением от идеальной нормы и называя тиранией несправедли-

вую власть одного над всеми, а охлократией – крайнюю форму демократии, или власти не обладающего необходимым уровнем дохода народа [Платон]. Для Бродского обе эти формы взаимосвязаны и обусловлены, так как власть тирана приводит к обезличиванию народа, превращению его в массу, а безличная масса, в свою очередь, жаждет поставить своим лидером именно тирана.

Показательно в этой связи возникновение в кульминации текста именно образа «толпы», вновь безусловно противопоставленной лирическому герою. Ситуация «беснующейся» толпы, «тыкающей» своими «натруженными» пальцами (эта деталь также характерна, вспомним обвинения в тунеядстве, которые вменяли Бродскому на суде) в лирического героя отсылает к архетипическому для русской культуры сюжету о суде над Христом, когда толпа также кричала Пилату «распни», как в «Развивая Платона» она кричит «не наш!». Деление на «наших» и «не наших» также глубоко интертекстуально и укоренено в русской литературе, достаточно упомянуть роман Ф. М. Достоевского «Бесы», где именно лексема «наши» стала самонаименованием губительных для России сил: «Мы проникнем в самый народ. Наши не только те, что режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются» [Достоевский].

Мысль о том, что любые формы тирании, включая современную ему советскую власть, не приемлют индивидуализма, весьма близка Бродскому и звучит, например, в его знаменитом эссе «О тирании». Слова из этого эссе, кажется, напрямую пересекаются с финалом «Развивая Платона», в котором единственным чужаком в идеальном государстве оказывается сам лирический герой: «Вот этим и занимается тирания: организует для вас вашу жизнь. Делает она это с невозможной тщательностью, уж безусловно лучше, чем демократия. К тому же она делает это для вашей же пользы, ибо любое проявление индивидуализма в толпе может быть опасно: прежде всего для того, кто его проявляет, но и о том, кто стоит рядом, тоже надо подумать» [Бродский, 2001в, с. 90–91].

Свойственное лирике Бродского понимание единства тоталитарной власти и обезличенной массы народа приводит к тому, что поэт отказывается от традиционной для русской литературной интеллигенции XIX века миссии общественного просветителя, как это прямо звучит в «Речи о пролитом молоке»: «Я не занят, в общем, чужим блаженством. Это выглядит красивым жестом» [Бродский, 2001а, с. 184]. Показательно, что поэт

резко дистанцирует себя от писателя, который настойчиво и последовательно позиционировал себя народным учителем: «Пусть закроется – где стамеска! – яснополянская хлебoreзка! Непротивление, панове, мерзко» [Бродский, 2001а, с. 189]. Несогласие с идеями Л. Н. Толстого о непротвлении злу насилием звучит в поэме призывом к активному протесту против существующих в обществе проблем.

Центральной проблемой современности, по мнению Бродского, как оно выражено в «Речи о пролитом молоке», выступает нравственная деградация:

Сейчас экономика просто в центре.
Объединяет нас вместо церкви,
объясняет наши поступки [Бродский, 2001а,
с. 182].

Приоритет материального над духовным в сегодняшнем обществе выражается в поэме в постоянном обращении к мотиву денег:

Блеск презираемого металла <...>
приятней, чем пустота в карманах,
проще, чем чехарда тиранов,
лучше цивилизации наркоманов,
общества, выросшего на шприцах [Бродский,
2001а, с. 182-183].

Помимо власти денег, современными людьми движет погоня за удовольствиями, мысль о которой в образной форме выражена Бродским через метафору наркомании:

Кайф, состояние эйфории,
диктовать нам будет свои законы.
Наркоманы прицепят себе погоны.
Шприц повесят вместо иконы
Спасителя и Святой Марии [Бродский, 2001а,
с. 185].

Говоря о власти денег и власти удовольствий над современным человеком, Бродский активно обращается к религиозным образам («церковь», «иконы Спасителя и Святой Марии»). Вспоминая о традиционных этических ценностях, поэт тем самым берет на себя характерную для русского интеллигента миссию художника как носителя нравственной истины. Показательно, что в своем утверждении религиозных ценностей Бродский вновь противопоставляет себя коммунистическому советскому государству:

Нынче поклонники оборота
«Религия – опиум для народа»
поняли, что им дана свобода,
дожили до золотого века.
Но в таком реестре (издержки слога)
свобода не выбрать – весьма убога.
Обычно тот, кто плюет на Бога,
плюет сначала на человека [Бродский, 2001а,
с. 187].

Конфликт между коллективной массой и личностью теперь реализуется на уровне индивидуальной веры, а необходимость существования в человеке духовных ценностей утверждается в виде нравственной максимы: «Обычно тот, кто плюет на Бога, плюет сначала на человека».

Показательно, что сохранение за лирическим субъектом роли хранителя нравственных ценностей свойственно и другим стихотворениям Бродского, посвященным теме власти. Пожалуй, среди наиболее ярких примеров – «Одному тирану» и «Резиденция». В стихотворении «Одному тирану», также, как и в стихотворении «Развивая Платона», создается идеализированный образ общества, в котором тиран и народ едины:

Когда он входит, все они встают.
Одни – по службе, прочие – от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют [Бродский, 2001б, с.
9].

Тиран вновь показан в неофициальной обстановке: если в стихотворении «Развивая Платона» он аплодировал в опере, то теперь он, «примостившись в кресле» [Бродский, 2001б, с. 9] (характерно, конечно, слово «примостившись», передающее особенную атмосферу уюта) пьет кофе и ест рогалик в кафе. И вновь лишь лирический субъект является носителем памяти о том, что находится за плечами столь «дружелюбно» описанного тирана:

Он здесь бывал: еще не в галифе –
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдатаев кафе
покончив позже с мировой культурой [Бродский, 2001а, с. 9]

Характерна аллюзия Бродского на судьбу пострадавшего от Сталина и погибшего в результате репрессий представителя литературной интеллигенции О. Э. Мандельштама («госка по мировой культуре», как известно, формула, предложенная

им как точная характеристика акмеизма). Оброненная в стихотворении Бродского словно мимоходом и облеченная в форму деепричастного оборота фраза о том, что власть фактически уничтожила в своей стране интеллигенцию, в очередной раз ярко демонстрирует глубоко близкую Бродскому идею о том, что если несправедливая власть может обрести единство с обезличенной массой народа, она никогда не может найти общий язык с мыслящими индивидуальностями, кем и являются интеллигенты.

В стихотворении «Резиденция», в отличие от уже проанализированных, тиран изображен Бродским наедине с самим собой. Если в стихотворении «Развивая Платона» перед читателем был изображен идеальный город, то теперь Бродский изображает идеальный дом, идеальную «резиденцию» на лоне природы:

Но уютней всего в восточном – его – крыле.
В окнах спальни синее ольшаник,
не то орешник,
и сверчок верещит, не говоря уже
о скворешнях
с их сверхчувствительными реле [Бродский].

Как и в стихотворении «Одному тирану», в «Резиденции» звучит лишь одна, зато очень резкая, диссонирующая с общей идиллической картиной нота, и если в первом случае она была включена поэтом в начало текста, то теперь она заключает произведение:

И ничто так не клонит в сон,
как восьмизначные цифры, составленные
в колонку,
да предсмертные вопли сознавшего во всем
сына, записанные на пленку [Бродский].

В «Резиденции», как и в «Одному тирану», отсутствует прямо выраженный конфликт между лирическим героем и властью, каким он был представлен в текстах «Речь о пролитом молоке» и «Развивая Платона». Теперь лирический субъект проявляет себя через саму логику текста, вновь и вновь напоминая читателю о том, что любая несправедливая власть глубоко безнравственна по своей сути. Финал «Резиденции», в котором тиран оказывается убийцей не только по отношению к своим «врагам», но и по отношению к собственному сыну (деталь, кстати, вполне исторически точная, достаточно вспомнить Ивана IV Грозного или даже Ирода I), становится ярким аккордом в жестоких размышлениях поэта.

Заключение

Поэзия Бродского продолжает характерную для отечественной литературной интеллигенции линию критики официальной власти. В его творчестве советская власть представлена как институт подавления человеческой личности, оборотной стороной чего становится возникновение обезличенного коллективного человека, массы. Поэт изображает конфликт между подобного рода обществом и лирическим героем, который оборачивается репрессиями в адрес последнего. Отказываясь от традиционной для писательской интеллигенции XIX века роли учителя и пророка, лирический герой Бродского тем не менее остается единственным носителем нравственной истины, которая оказывается напрямую связанной с духовными ценностями, что заставляет вспомнить слова Д. С. Мережковского о том, что «Сила русской интеллигенции – не в intellectus'e, то есть не в уме, а в сердце и совести» [Мережковский].

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.
3. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва: НЛЮ, 2004. С. 478–485.
4. Бродский И. Резиденция. URL: <https://www.culture.ru/poems/30819/rezidenciya> (дата обращения: 20. 04. 2023).
5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001а. 440 с.
6. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001б. 312 с.
7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 5. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001в. 376 с.
8. Бурая М. А., Богданова О. В. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.
9. Бурая М. А. Стихотворение «Presepìo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.
10. Гудониене В. «Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского // Славянские чтения. Даугавпилс, 2000. № 1. С. 195–201.
11. Достоевский Ф. М. Бесы. URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (дата обращения: 05. 06. 2023).
12. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2008. 479 с.

13. Мандельштам О. Э. Концерт на вокзале. URL: <https://rustih.ru/osip-mandelshtam-koncert-na-vokzale/> (дата обращения: 05.06.2023).
14. Мережковский Д. С. Грядущий хам. URL: <http://merezkovski.ru/proizved/ham7.php> (дата обращения: 05.06.2023).
15. Платон. Государство. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos01.htm> (дата обращения: 05.06.2023).
16. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва: НЛЮ, 2001. 462 с.
17. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 28–35.
18. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232–241.
19. Шерр Б. Стрфика Бродского: новый взгляд // Как работает стихотворение Бродского. Москва: НЛЮ, 2002. С. 269–299.
20. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва: Издательский дом: Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.
21. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.
8. Buraja M. A., Bogdanova O. V. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdestvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = Supertextual unity of the Christmas, Italian and love pretexts in I. Brodsky's «I Was Only What» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.
9. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepjo» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem «Presepjo» in the context of I. Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.
10. Gudoniene V. «Rozhdestvenskaja zvezda» v kontekste evangel'skih stihov I. Brodskogo = «The Christmas Star» in the context of I. Brodsky's gospel poems // Slavjanskije chtenija. Daugavpils, 2000. № 1. S. 195–201.
11. Dostoevskij F. M. Besy. = Demons. URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (дата обращения: 05.06.2023).
12. Losev L. V. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii. = Joseph Brodsky: a literary biography experience. Moskva: Molodaja gvardija, 2008. 479 s.
13. Mandel'shtam O. Je. Koncert na vokzale = A concert at the station. URL: <https://rustih.ru/osip-mandelshtam-koncert-na-vokzale/> (дата обращения: 05.06.2023).
14. Merezkovskij D. S. Grjadushhij ham = The Coming Ham. URL: <http://merezkovski.ru/proizved/ham7.php> (дата обращения: 05.06.2023).
15. Platon. Gosudarstvo. = The State. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos01.htm> (дата обращения: 05.06.2023).
16. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo. = At Mnemosyne's Feast: Brodsky's intertexts. Moskva: NLO, 2001. 462 s.
17. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: The Soviet Era in I. Brodsky's Speech over Spilled Milk // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1. S. 28–35.
18. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of implementing communicative strategies in I. Brodsky's poem Speech over Spilled Milk // Nauchnyj dialog. 2019. №6. S. 232–241.
19. Sherr B. Strofika Brodskogo: novyj vzgljad = Brodsky's strophic structure: a new look // Kak rabotaet stihotvorenje Brodskogo. Moskva: NLO, 2002. S. 269–299.
20. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom. = Language is God. Notes on Joseph Brodsky. Moskva: Izdatel'skij dom: Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.
21. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. P. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = Sources of Light by Joseph Brodsky // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.
2. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. «Inogda chuvstvujju sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Pilgrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of I. Brodsky's «Pilgrims») // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.
3. Bogomolov N. O dvuh «rozhdestvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = About two «Christmas poems» by I. Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russoj poezii. Moskva: NLO, 2004. S. 478–485.
4. Brodskij I. Rezidencija. = The Residence. URL: <https://www.culture.ru/poems/30819/rezidenciya> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 2 = Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V.2. Sankt-Peterburg: Pushkinskij fond, 2001a. 440 s.
6. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 3 = Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V.3. Sankt-Peterburg: Pushkinskij fond, 2001b. 312 s.
7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 5 = Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 5. Sankt-Peterburg: Pushkinskij fond, 2001v. 376 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.